

Yulia A. Krasheninnikova
Svetlana G. Nizovtseva

Institute of Language, Literature and History Federal Research Center of Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia

Toponymy of Russian Mining Settlements of the Komi Republic in the 21st Century Records

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 1, pp. 209–223
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.010

Language of the article: Russian

Крашенинникова Юлия Андреевна
Низовцева Светлана Григорьевна
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

Микротопонимия русских заводских поселений Республики Коми в записях XXI в.

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 209–223
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.010

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.010
УДК 811.511.1'373.21 + 81'373.215 +
+ 622.3(470.13)

Ю. А. Крашенинникова
С. Г. Низовцева
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Россия

МИКРОТОПОНИМИЯ РУССКИХ ЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В ЗАПИСЯХ ХХІ в.

В статье представлен анализ топонимических материалов, записанных сотрудниками Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в ходе полевых экспедиций 2008–2019 гг. в русских заводских поселениях Нювчим (Сыктывдинский район), Кажым и Нючпас (Койгородский район) Республики Коми. Возникновение этих поселений связано с открытием на данной территории железорудных промыслов в середине XVIII в., сопровождавшимся массовым переселением сюда крестьян из центральных и северных губерний России. Как показало проведенное авторами исследование, на территории русских заводских поселений Республики Коми происходило, с одной стороны, освоение русской топонимической системой финно-угорских названий — прежде всего гидронимов, от которых путем метонимического переноса возникали топонимы других типов, в том числе названия поселений. С другой стороны, в процессе освоения территории постепенно формировался новый слой топонимического ландшафта, основанный на собственно русских номинациях частей поселков, речек и ручьев, озер, болот, сельскохозяйственных и промысловых угодий. Русские номинации закрепляли территориальное право, регламентировали земельные и иные отношения, позволяли местным жителям ориентироваться в пространстве. Отдельные русские топонимы демонстрируют глубину исторической памяти переселенцев, преемственность принципов номинирования, отсылающих к территориям исхода и материнской культуре. Авторами проанализированы материалы, связанные со сложившейся в поселениях топонимической системой, выявлены причины возникновения и особенности функционирования некоторых микропонимов

© Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г., 2021

в настоящее время. Выделены группы микротопонимов, образованных на основе имени / фамилии / прозвища владельца или пользователя, ситуативные микротопонимы, а также названия, отражающие характер ландшафта и месторасположение объектов. Интересным наблюдением авторов является то, что в топонимической системе русских заводских поселений Республики Коми, в отличие от сел и деревень Русского Севера, лишь единичными примерами представлены номинации, связанные с религиозной, сакральной, мифологической тематикой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Республика Коми, русские горнозаводские поселения, топонимия, ойконимия, гидронимия, микротопонимия, полевые топонимические материалы.

Поселки Кажым, Нючпас (Койгородский район) и Нювчим (Сыктывдинский район) составляют группу горнозаводских поселений Республики Коми. Их появление связано с открытием железорудных промыслов в середине XVIII в. В то время основное население промыслов (квалифицированную его часть) составили обученные заводскому мастерству государственные крестьяне Вятской, Вологодской и Костромской губерний [Политов, 2005, 109, 111, 112]. В связи с преобладанием населения из севернорусских и центральных губерний в поселениях сформировалась культура, основой которой стали традиции тех мест, откуда прибыли заводчане. Специфический характер поселений (заводские поселки с «градообразующим» предприятием), неоднородный состав русского населения, тесное соседство с местным коми населением и контакты со спецпереселенцами из разных мест России с конца 1920-х гг. — эти и другие факторы оказали влияние на формирование местной культуры и структуру фольклорных традиций¹.

Объектом целостного изучения эти локальные традиции не становились до начала XXI в., хотя нельзя не отметить фольклорные изыскания, проведенные в 1950–1960-е гг. этномузыковедом П. И. Чисталёвым, записавшим в горнозаводских поселениях Республики Коми довольно большой корпус песенных текстов разных жанров. С 2008 г. экспедиционные работы в этих поселениях велись фольклористами Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, благодаря чему был собран разножанровый материал, позволяющий весьма полно охарактеризовать духовную культуру местного населения. Значимым результатом этой работы являются шесть экспедиционных отчетов с описанием зафиксированных сведений.

В настоящей статье представлен экспедиционный материал, содержащий данные о м и к р о т о п о н и м и и трех названных выше горнозаводских поселений. Их объединяет несколько общих черт: возникновение примерно в одно и то же время (середина XVIII в.), одинаковая сфера деятельности жителей — заводское чугунолитейное производство, близкий состав пришлого русского населения,

---

¹ Подробнее об истории формирования и изучения этих локальных традиций см. [Крашенинникова, 2017, 132–147].

наличие иноэтничной среды — населения коми. В работе, с одной стороны, обсуждается функционирование гидронимов и микротопонимов в местной культуре; с другой стороны, с опорой на фольклорный материал предполагаются возможные пути возникновения тех или иных номинаций².

В топонимической системе заводских поселений республики сосуществуют наименования финно-угорского происхождения (прежде всего гидронимы) и исконно русские названия, появление которых связано с освоением и обживанием территории новыми поселенцами. В изучаемой нами зоне, как и на многих других территориях, ведущую роль в разворачивании метонимических связей сыграли гидронимы.

Так, связь «гидроним → ойконим» проявляется в номинациях заводских поселений, дублирующих названия рек, на берегах которых они были основаны: р. *Кажым* > пос. *Кажым*, р. *Нювчим* > пос. *Нювчим*, р. *Нючпас* > пос. *Нючпас*. Записанные нами свидетельства местных жителей подтверждают метонимический характер ойконимов: «Говорят, раньше какая-то тут была речка Кажым. И вот за счёт этой речки и прозвали этот посёлок Кажым» (Кажым, 2013); «[— Не рассказывали, почему так Нювчим назвали?] — Река Нювчим, река Нюкчим же есть. На реке поставили завод, поставили плотину. Нюкчим, да. Там тоже ведь есть Нючпас, тоже река Нючпас, тоже завод нючпасский» (Нювчим, 2015).

Обсуждая этимологию названий *Кажым*, *Нювчим* и *Нючпас*, исследователи сходятся в мысли об их финно-угорском происхождении, однако в определении семантики топоформантов и, соответственно, языковой принадлежности возникают расхождения. Так, в словаре А. П. Афанасьева отмечено, что «название пос. *Кажым* связано с гидронимом *Кажым*, может быть связано с хантыйским прилагательным *касынг* ‘моховая’, где *жас*, *кас* — ‘олений мох’, *-ынг* — продуктивный в языках обских угров топонимообразующий суффикс» [Афанасьев, 1996]. По другой версии, предложенной М. Д. Игнатовым, топоним *Кажым* связывается с доминирующим на данной территории коми языком: формант *-ым* может соотноситься с диалектным (наряду с *-ум*, *-ом*, *-вом*, *-вум*) вариантом общепермского слова для обозначения устья реки, а корневой компонент *каж-* можно рассматривать как упрощенное русским произношением коми диалектное *кадж* ‘можжевельник; можжевеловый’. На этом основании М. Д. Игнатов предполагает, что гидроним *Кажим* возник из первоначального названия урочища или починка *Каджым*, расположенного в устье реки *Кадж* (*-ю*, *-ва*) [Игнатов, 2009, 255]. «Нет ничего необычного в том, — пишет исследователь, — что река могла получить свое название от преобладания можжевеловых зарослей вдоль ее берегов: один из правых ее притоков тоже назван по характеру леса на ее берегах — *Сордъэль* — дословно ‘речка (протекающая) по роще’ (коми-зыр. диал. *сорд* ‘роща’, *эль* ‘речка лесная’)» [Там же].

² Первые подступы к материалам представлены в виде тезисов [Крашенинникова, Низовцева, 2019, 578–580].

Финно-угорские топонимы заимствовались пришлым русским населением, причем топоним мог как сохранить первоначальный вид, так и трансформироваться. В последнем случае происходила фонетическая русификация иноязычного топонима, т. е. его приспособление к русской фонетической системе³. Примером такой адаптации может служить название *Нючпас*, которое, как считает А. П. Афанасьев, образовалось от слова *нюдзпоска*: «[в коми языке] *нюдзпоска* [переводится как] ‘с гибкими мостками’, ‘с гибким мостом’, где *нюдз* — ‘гибкий, упругий’, *пос*, *пос(к)* — ‘мост’, *-а* — суффикс наличия. Вероятно, в прошлом улицы поселения на переувлажненных участках были покрыты настилами из жердей — *нюдзпосами*. Жерди укладывались поперек дороги вплотную друг к другу» [Афанасьев, 1996]. Если принять эту точку зрения, то ойконим не связан с гидронимом.

В интерпретации современных информантов название поселения *Нючпас* также связывается с понятием «настил». Местные жители объясняют номинацию поселка так: «Нючпас — это обозначает “настил на болоте”. Вот как-то. Наверное, сырые улицы были. <...> Настил отсыпали, наверное. Вот так вроде говорили раньше» (Нючпас, 2011).

Топоним *Нювчим* также имеет неоднозначную трактовку. В частности, А. И. Туркин полагал, что поселение названо по р. Нювчим; в качестве доказательства приводятся варианты названия реки, засвидетельствованные в исторических источниках: *речка Нюлчим* (1485), *речка Улчим* (1586), *Нульчим* (1608). Согласно А. И. Туркину, русское название *Нювчим* и коми *Нюкчим* являются результатом переработки более древнего *Нюхчим*, которое отдельные исследователи связывают с саам. *нюхч* ‘лебедь’; в пользу этой исходной основы свидетельствуют и данные из дневника И. Лепёхина, где зафиксировано две формы гидронима — *Нюхчини* и *Нюхча* [Туркин, 1986, 80]. Разрабатывая другую версию, в современной форме гидронима *Нювчим* (*Нюкчим*), как и в названии *Локчим*, А. И. Туркин предлагает выделить детерминант *-чим*, который встречается в качестве самостоятельного названия реки, а *нюв-* (< *нюл-*), *нюк-* считаются диалектными вариантами одного слова, соотносимого с манс. *нюл*, *нюли*, хант. *нялки* ‘пихта’ (*Нюлчим* — ‘Пихтовая река’) [Там же]. А. П. Афанасьев допускает, что гидроним *Нюлчим* мог принадлежать древним уграм, однако современное название реки Нюкчим, по мнению исследователя, объясняется на основе коми языка как ‘Овражная теснина’, ‘Река, текущая по узкой ложбине’ [Афанасьев, 1996].

Старое произношение топонима *Нювчим* — как *Нюкчим* — встречается и у современных информантов: «Раньше посёлок называли Нюкчим, потом стало Нювчим» (Нювчим, 2015); «Тут две речки, они объединяются и в пруд попадают — Нювчим и Дендель. Вот одна-то река называется Нюкчим. Не Нювчим, а Нюкчим.

³ Подобные процессы адаптации иноязычных топонимов русскими переселенцами отмечены на материалах Пинежского края, Восточного Забайкалья [Калуцков и др., 1998, 19; Федотова, 2007, 257] и других территорий.

По этому названию и назвали [поселок] Нювчим» (Нювчим, 2019). Некоторые информанты, подчеркивая неисконное происхождение названия, акцентируют внимание на противопоставлении «русский — коми»: «[— Не говорили, почему так поселок назвали?] — Вот это я не знаю, не учил. Но это комяцкое [название], это не русское название, комяцкое» (Нювчим, 2015).

В анализируемых материалах зафиксированы также номинации частей поселков — неофициальных административно-территориальных единиц, получавших у местных жителей имена по мере развития поселковой инфраструктуры. В частности, поселок Нючпас разделен рекой и водохранилищем на две части — соответственно, основное межевание поселка регулируется речным разделом, а названия частей даны по месторасположению и отношению к реке. Начало поселка, находящееся в сравнительно низменном месте, носит название *Подугор*. Район, расположенный за рекой, когда-то назывался *Зарекá*, но потом, по свидетельствам местных жителей, стал называться *Хутор* (в этой части поселка стоит церковь Прокопия Устюжского). В центре поселка находились здание чугуноплавильного завода и плотина, позже здесь расположились здания сельсовета и других учреждений (почта, клуб, магазины). Ранее этот район имел название *Завод*, затем он был переименован местным населением в *Базу*⁴: «[Базу] раньше называли Завод, я помню, старушки говорили: “Надо пойти по Заводу прогуляться”. Это место называлось как Завод... [Место, где расположена церковь] Хутором называем, Хутор. Раньше называли Зарека. Это уже современное название — Хутор. <...> Три как бы части» (Нючпас, 2013). Таким образом, основной зоной нючпасского поселкового ландшафта была территория, где располагался завод.

В пос. Нювчим выделяются две части: *Угор* и *Слобода*, расположенные относительно друг друга как возвышенное и низменное место; разделены они мостом через плотину, рядом с которой был построен чугунолитейный завод. Как правило, в рассказах информантов, касающихся освоения и заселения поселковой территории, упоминаются обе части. Согласно одной версии, в местечке Слобода жили рабочие, привезенные для работ на заводе; на Угоре находилось заводское управление, проживало руководство со своими семьями. По другой версии, на Угоре обосновались первопоселенцы — первые рабочие завода, а Слобода застраивалась позднее, там селились коми крестьяне, которых нанимали на подсобные работы. Обе версии могут быть приняты к рассмотрению. Во-первых, местечко Угор сравнительно сухое, а в Слободе почва влажная, топкая — соответственно, первопоселенцами могла быть выбрана более пригодная для проживания территория. Во-вторых, значения слова *слобода* содержат имплицитное

⁴ В этом случае, вероятно, сработала ассоциативная связь, ср. *база* ‘учреждение, предприятие, центральный пункт по снабжению или обслуживанию кого-, чего-н., склад, место хранения товаров, материалов, продуктов’ [Ожегов, Шведова, 2006, 33].

указание на «подчиненное» положение: ‘пригородное селение, подгородный поселок, за городом, т. е. за стеною, род посада’ [Даль, 4, 221], устар. ‘поселок около города, пригорода’ [Ожегов, Шведова, 2006, 730] и др.

В сообщениях информантов также содержится мысль о второстепенном значении Слободы относительно Угора: «[— Почему называется Угор и Слобода?] — Потому что на угоре у нас Нювчим-то был. А Слободу-то, это как будто уж пристройка. Слобода-то потом строилась ведь. Сначала Угор и построили. Угор — первое [местечко]. Тут и дома-то все тут старинные дома, всё этих ещё старых-то людей всё ещё стоят»; «... А коми, по рассказам, как я поняла, расселялись там, в Слободе, за прудом уже. Здесь как жили нювчимские исконно, а они там за прудом, по ту сторону, в Слободе. <...> [— Почему так называется: *Слобода* и *Угор*?] Не знаю, здесь вот [на Угоре] как бы возвышенность была, а там Слобода — там этих вот приезжих и заселяли» (Нювчим, 2015).

Неприязнь между жителями местечек Слобода и Угор закрепилась в топонимической дразнилке, бытовавшей, как отмечает информант, в 1960–1970-е гг.; ее фрагмент записан в 2019 г.: «[— Не дразнили друг друга?] — Угор, не помню как, борода, как-то, Слобода — дырявая шляпа. Так назывались. Угор — борода, Слобода — дырявая шляпа. [— Это при вас так дразнились или еще раньше?] — При мне, при мне» (Нювчим, 2019). В другом интервью обнаруживается косвенное объяснение этой дразнилки как результата рифмы: «... Слобода-борода. [— Почему Слобода-борода?] — Это мы так ругались. Они нас называли “Угор”... Не могу вспомнить, это в школе ещё [было]» (Нювчим, 2019).

Поселение Кажым делится на четыре части: *Шохра́*, *Змеёвка*, *Татау́р* и *Замехова́я*; появившиеся в поселке относительно недавно современные районы получили названия *Черёмушки*, *Рябинушки*, *Ивушки*. Старинное наименование одной из частей — *Замеховая* — обусловлено «заводской» спецификой: старожилы связывают его с сочетанием *заводская меховая* (Кажым, 2013), в котором закреплена одна из особенностей чугуноплавильного производства — использование мехов для изготовления чугуна в домне. От сравнительно молодого неместного информанта получена другая интерпретация названия *Замеховая*: «за механическим заводом» (Кажым, 2017).

Остальные части поселка, по сообщениям информантов, номинированы по названиям рек, протекающих по их территории: «[— Говорят, Кажым разделен на части?] — Правильно. Татаур. Меховая, Замеховая. Шохра. Змеёвка. [— Почему они так называются?] — По речке, там же речка идет Змеёвка. Там — Татаур. Там — Шохра. Тоже по речкам, там такие маленькие речки. Ну а Замеховая — тут завод был... Чугунолитейный завод на этой же стороне, вот и Замеховая называется»; «Шохра — это у них там речка маленькая протекает — Шохра, их шохринцами и звали. А у нас тут Татаур река, в этом конце, нас татаурскими звали. Потом замеховские, там, где школа, Замеховая считается, там замеховскими всё звали. <...> Ещё скажут — “татаурские лягушки”» (Кажым, 2013).

Возможно, речки, протекающие по частям поселка, получили свои названия от русских переселенцев. Это предположение подкрепляется тем, что номинации *татаур*, *шохра* фиксируются в других регионах России, в том числе на территориях исхода первопоселенцев анализируемых нами традиций. Повторимся: согласно историческим документам, основное население промыслов составляли обученные заводскому мастерству государственные крестьяне Вятской, Вологодской и Костромской губерний.

Обращение к словарям дает следующие значения интересующих нас слов: *татаур* 'боярский пояс; пояс священников, монахов' [Даль, 4, 392]; в вологодских говорах слово зафиксировано в значениях 'кнут, плетка; широкий пояс' [СРНГ, 43, 308]. *Шóхра* отмечено В. И. Далем в костромских диалектах в значении 'лес по болоту' [Даль, 4, 642]. Попутно заметим, что на территории Костромской области протекают реки *Большая Шохра (Шохра)* (Межевский и Пышугский р-ны), *Боровая Шохра* (Межевский р-н) [Ресурсы, 97, 234]. Река *Татаур* в пос. Кажым, возможно, получила название по сходству с поясом (длинной и узкой полосой ткани), а название реки *Шохра* появилось как память о территории исхода переселенцев или благодаря ландшафтным особенностям вновь осваиваемой территории. Так, Л. А. Феоктистова, анализируя материалы Топонимической экспедиции УрФУ по Кадуйскому и Макарьевскому районам Костромской области, отмечает, что «фиксация терминов *шохра́* 'поросшее лесом или кустарником болото', *шохо́р* 'возвышенность, холм в лесу' в апеллятивном употреблении говорит о русском (а не субстратном) происхождении таких названий, как *Шохра*, лес, пок.; *Шохор*, поле, возв.; *Два Шохра*, холмы; *Обабочная Шохра*, бол.; *Николаевский Шахор*, лес, *Шохровское*, бол.» [Феоктистова, 2005, 198].

В пос. Кажым зафиксированы сведения о том, что русские переселенцы из разных губерний России в первое время старались селиться «гнездами» — выходцы из одной губернии вместе: «Мне дедушка рассказывал, поначалу люди расселялись — вятские в одной стороне, за рекой, в Шохре. В Змеёвке селились вологодские... Были будто несколько царств-государств. Улицы были не просто улицы: Береговая Слобода, за ней — Замаховая, выше — Угор, угорские, справа к пруду — Татаур. Так и людей звали: замеховские, угорские, татаурские. А местных коми долго к себе не подпускали. Все приезжие были. Долго приглядывались, что за народ. Зырянами ещё обзывали. И даже женились... сватались к своим. Это в старину. А потом уже смесь пошла» (Кажым, 2010). «Топонимическое» разделение впоследствии было перенесено и на колхозную жизнь: в местном колхозе было четыре бригады, которые назывались по частям поселка.

Интересно, что в местной кажымской традиции получила распространение топонимическая дразнилка, обыгрывающая неофициальные названия частей поселка. Имеющиеся тексты не отличаются большой вариативностью; нейтральные топонимы в них получают эмоционально-оценочную характеристику — отрицательную или положительную, в зависимости от того, жителями какой части

исполнялась дразнилка: «Змеёвка — воровка, / Замеховая — самая толстая, / Татаур — дур, / Шохра — хороша»; «Шохра хороша, / Змеёвка воровка, / Замеховая плохая (вар.: самая плохая), / Татаур — бур⁵» (Кажым, 2013).

Современные информанты предлагают свое объяснение некоторым из этих номинаций. Так, характеристика Замеховой строится по признаку «толстый — худой» («Замеховая — самая толстая — там все такие толстые были» — Кажым, 2017), благодаря чему актуализируются такие качества, как богатство и бедность⁶, или по особенностям ландшафта («Замеховая — самая плохая — там сыро, болотисто там. Там так и говорят, по месту. Место плохое — сыро, болото там» — Кажым, 2013).

Особенности хозяйствования жителей русских заводских поселений оказали влияние на структуру местной топонимической системы. В частности, сочетание земледельческой и промысловой деятельности способствовало появлению микропонимов с русскими топоосновами. В наших материалах зафиксированы названия сенокосных угодий, пойменных лугов, лесных участков, рыболовных и охотничьих местечек и т. п. (*Бояркина пожня, Воробьёва курья, Грязновский лужок, Лазарев угор, Малёв курень, Мизинкино / Мизинково болото, Пашино болото, Пропановское болото, Траёвский листовник* и др.), в том числе номинируются бани и охотничьи избышки — те же названия имеют местечки, где они локализованы (*Самаркина избышка, Эрмина баня* и т. п.).

Система микропонимов позволяла местным жителям решать сразу несколько задач: закреплять за собой право на ту или иную территорию, регламентировать земельные, охотничьи, промысловые отношения, ориентироваться в пространстве:

«[— Какие местечки были с названиями?] — Много очень. Пропановское болото есть, там Пропанов, он как бы лесовал, охотничал <...> У него там банька была, его угодья были. [— А Ботево болото — почему так?] Ботево — так же, это у каждого было своё хозяйство. [— И на чужое угодье никто не ходил?] — Нет, раньше ещё такой был порядок, даже я застал. Вот если, допустим, кто-то охотится здесь, это уже другой не пойдёт. <...> У каждого были свои [угодья]. Раньше народ был, понимал. [— Реку тоже могли поделить?] — Реку как таковую не делили, а вот озера рыболовные — их делили, и до сих пор они так. <...> У нас больших озёр нету, а есть у нас старые курьи. Они до сих пор как по наследству передаются, допустим, дед, отец рыбачил, сын... [— Эти все угодья по фамилиям названы, по родам?] — Это было давно, когда остались названия, их сейчас, этих людей, уже нету, и потомков нет, а названия остались: Мизинково, Ботево, Пропановское болото, Сёргино болото,

⁵ Ср. коми-зыр. бур 'добрый, хороший' [КРС, 65].

⁶ В Замеховой, по воспоминаниям информантов, проживали более зажиточные люди — их работа на заводе предполагала выплату заработной платы. Полагаем, отсюда и характеристика *толстый* 'дородный, упитанный, сытый' [Александрова, 2001, 500], перен. 'толстосум, богач' [Ушаков, 4, стлб 732].

Сёргино болото. Мы сейчас как бы идём на охоту или на рыбалку или между собой разговариваем с кем-то, мы говорим: “Вот я был вчера на Мизинкином болоте”. Мой собеседник знает, где я был...» (Нючпас, 2013);

«[— Какие здесь есть местечки?] — Это был, сейчас его нет, фамилия его, мыс назывался по его имени, ну, по фамилии. Он там сено косил, поэтому назвали, что он всё время [сено косил], за прудом. Турнин. [— Турнин мыс?] — Да, Турнины, они там сено косили и на лодке перевозили сюда, через пруд. [— Не слышали — Бояркина пожня?] Бояркин — тоже фамилия. [— Это по фамилии?] — Да, это по фамилии Бояркин. <...> [— А какой-то листовник?] — Ну, это листовник тоже на той стороне [пруда]. Он листовник и есть — Траёвский листовник. Есть всякие названия. [— Листовник — это что значит?] — А это листья растут там, такие большие, пушистые, как лопухи. И вот там этот листовник» (Нювчим, 2015).

Исходя из имеющихся у нас материалов, мы выделили несколько групп микротопонимов.

1. Микротопонимы, мотивирующей основой которых послужили и м я / ф а м и л и я / п р о з в и щ е в л а д е л ь ц а и л и п о л ь з о в а т е л я. Такие названия особенно популярны на территории заводских поселений (*Барановская пашня* < родовое прозвище *Бараны*, *Воробьёва курья* < фамилия *Воробьёв*, *Тихоновский ручей* < имя *Тихон*, *Тупылевский лужок* < фамилия *Тупылев* и мн. др.): они регламентируют земельные отношения, информируют о родовых владельцах и их праве на собственность (земли, сенокосного владения, охотничьего угодья и пр.).

Некоторые топонимы представлены информантами в контексте местной истории, т. е. обрастают деталями, придающими повествованиям бóльшую достоверность: «Мы косили как-то, и лужок такой был, мама говорит: “Вот это Тупылевский лужок”. Это ему [Тупылеву] пожертвовали. Вот строили церковь когда, это он красил, и ему пожертвовали за то, что он [красил], ему за это землю дали. За то, что он раскрасил все купола... Там Грязновские лужки и евоный лужок — Тупылевский» (Кажым, 2013).

2. Микротопонимы, мотивирующей основой которых послужили о с о б е н н о с т и л а н д ш а ф т а и м е с т о р а с п о л о ж е н и я. Среди них отметим топонимы, в которых отражены специфические признаки объекта — размер, форма, цвет и т. п. (*Белый мыс*, *Круглое*, *Крутой лог*, *Мала речка*), особенности месторасположения (*Верхний пруд*, *Конец*, *Школьное поле* и др.), геоботаническая характеристика (*Подсосенник*, *Подъельник*), ср.: «У нас девять пожен было. <...> [Назывались] Болото, Маёгово, Анисимово, Подъельники, Подсошники... <...> [— *Подсошник* — интересное название. Почему так называется?] — Подсошник — сосна там растёт» (Нювчим, 2019); «[Белый мыс]. Там белый песок. Жёлтый песок везде по берегу, а на Белом мысу белый песок, чисто белый» (Нювчим, 2019).

В связи с последним примером отметим информацию, связанную с ремотивацией топонима *Белый мыс*, которая была зафиксирована в экспедиции 2019 г.

Это название некоторые жители стали интерпретировать на основе лексемы *белый* в значении ‘белогвардеец’, связывая с возможным пребыванием или прохождением представителей белого движения рядом с пос. Нювчим в период гражданской войны⁷: «[— Белый мыс?] — Есть, вон тут тоже. Там белые были, белогвардейцы, короче. [— Поэтому Белый мыс?] — Да. Там белые были в эту гражданскую войну. [— Останавливались там?] — Да, да» (Нювчим, 2019), т. е. при объяснении топонима информант обращается к историческим фактам. Подобные процессы на карельском материале отмечает И. И. Муллонен: топоним начинает осмысляться в контексте связанных с ним реальных исторических сюжетов [Муллонен, 2019, 65, 73].

3. Самая малочисленная группа — так называемые *ситуативные микротопонимы*, которые появились вследствие какого-либо конкретного события, происшествия. Имеющиеся у нас материалы подтверждают наблюдения Е. Л. Березович, которая отмечает, что для русской топонимии вполне естественны названия, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом, но в целом нетипичны наименования, обозначающие единичную уникальную ситуацию, т. е. событийные топонимы [Березович, 1998, 40]. Например, название местечка *Убийство* около пос. Нючпас связано с реальным преступлением, случившимся в этом месте в 1940-е гг.: двое мужчин в лесу убили женщину. Оставшееся в памяти местных жителей неординарное событие породило многочисленные рассказы, способствовало узакониванию топонимической номинации и вхождению ее в обыденную речь: «... Это место называется Убийство. [Говорим]: “На Убийство поехали”» (Нючпас, 2013). Местечко *Сажинская роца*, расположенное рядом с пос. Нювчим, названо по фамилии местного жителя и связанной с ним ситуации: в этом месте некто Сажин устраивал свидания с девушками.

Несколько мест получили свои названия по обстоятельствам, связанным с поведением или физическим состоянием людей (*Потерящий курень*, *Пьяный ручей*): «Потерящий курень тоже называли. [— Как?] — Потерящий курень. Человек ушёл и потерялся... Курень — где уголь жгли для домны...» (Нючпас, 2013); «Ребята у меня, дети-то, строили там избушку охотничью за 15 километров. Ну и там ручеек такой течёт, и неизвестно, откуда он течёт, ходили-искали. Дак вон его называют Пьяным. Старший сын, — иди, — говорит, — всё равно неси,

⁷ Конкретных исторических фактов, подтверждающих эту версию, нами не обнаружено, хотя о революционных событиях и военных действиях, происходивших на территории Коми края в период гражданской войны, писали историки [см., например: Жеребцов, Таскаев, 2001]. Зафиксированы сведения о захвате белыми г. Усть-Сысольска (ныне г. Сыктывкар, от которого пос. Нювчим расположен в 45 км) и их двухнедельном пребывании в городе в ноябре 1919 г. [Там же, 236–245]. В наших материалах есть несколько свидетельств о том, что белогвардейцы проходили рядом с пос. Нювчим, и появление этих данных связано в том числе с влиянием книжной культуры и СМИ; об особенностях формирования фольклорного репертуара русских горнозаводских традиций республики на материале исторической прозы см. [Крашенинникова, 2017, 132–147].

чай будем ставить, воды. Сходил к этому ручью, а он 10 метров от избушки-то. Идёт, и глаза посоловели, и он такой, значит [как пьяный]. “Ты чё, где-то чё-то выпил что ли?” — “Нет, только воды выпил”. А как пьяный идёт» (Кажым, 2013).

4. Наконец, в системе координат местного поселкового пространства присутствуют единичные названия, относящиеся к религиозной и сакральной сферам. Один такой топоним в пос. Кажым связан с местным престольным праздником, посвященным святителю и чудотворцу Николаю Мирликийскому (22 мая по н. ст.): в Николин день местные жители посещают ручей *Устарчуж* (находится примерно в одном-двух километрах от поселка), где проходит молебен с освящением воды, после чего люди набирают воду и используют ее в разных целях в течение года. Подробно материалы, связанные с описанием народного культа почитаемого места кажымской микролокальной традиции, представлены в отдельной работе [Крашенинникова, 2019, 23–34]. В рамках задач настоящей статьи мы приведем тексты, в которых дается народное толкование названия *Устарчуж* — ручья, имеющего статус сакрального объекта. Так, большинство информантов связывают номинацию со словами *старец*, *старичок*: «Раньше называли ручей “У старца”, потом как-то оно стёрлось и [стало] Устарчуж» (Кажым, 2010); «[— Почему именно около этого ручья была поставлена часовня?] — Часовня? Там старец был, старец, какой-то старец, Николай, видимо, звали. Вот они говорили “У старца”. [Стало]: Устарчуж...» (Кажым, 2010). Во второй версии, объясняющей название местечка, акцент сделан на лексеме *устье*: «[— Как это местечко называется?] — Это Устарчуж. Усть-старчуж. [— А почему такое название?] — Не знаю, почему. Потому что в устье, наверное, какой-то реки...» (Кажым, 2013). Наконец, мотив приобретения местечком качеств священного объекта реализуется через предположение о посещении его «не простым человеком, мучеником»: «[— А почему ручей так называется — Устарчуж?] — Ну, вот я и говорю, не знаю. Наверно, устал человек, мне кажется, вот так, устал человек и посидел. “Чуш”. Может, какое-то такое слово [сказал]. Устал, сел, посидел. Вот тебе Устарчуж... [Он присел] отдохнуть. Наверно, не простой был [человек], какой-то мученик, может быть» (Кажым, 2013).

* * *

Таким образом, особенности формирования и функционирования местной топонимической системы, разный «удельный вес» групп топонимов объясняются специфическим характером местной культуры и принципами хозяйствования жителей: перед нами заводские поселения с «градообразующим» предприятием, заселенные государственными крестьянами, оторванными от земледельческой среды. Наши материалы показывают, что на территории русских заводских поселений Республики Коми происходило, с одной стороны, усвоение русской топонимической системой финно-угорских названий, что касается прежде всего гидронимов. С другой стороны, в процессе освоения и обживания территории

появлялись русские номинации, закрепляющие территориальное право, регламентирующие земельные и промысловые отношения, позволяющие местным жителям ориентироваться в пространстве. Микротопонимы возникают вследствие какого-либо конкретного события или происшествия, неких обстоятельств, связанных с поведением людей; на основе особенностей ландшафта; от имени / фамилии / прозвища владельца или пользователя. Последняя группа топонимов, связанная с «персональной информацией», является самой обширной. Некоторые русские номинации демонстрируют глубину исторической памяти переселенцев, преемственность принципов номинирования, отсылающих в том числе к территориям исхода и материнской культуре. Существенно, что в топонимической системе русских заводских поселений Республики Коми (в отличие от топонимии Русского Севера) находят очень слабое отражение номинации, связанные с религиозной, сакральной, мифологической тематикой.

Источники

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник. М. : Русский язык, 2001.
- Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996. URL: <http://komikyv.com/archives/3801> (дата обращения: 13.05.2020).
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995.
- КРС — *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь / отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2000.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : А ТЕМП, 2006.
- Ресурсы — Ресурсы поверхностных вод СССР: Гидрологическая изученность. Т. 10 : Верхне-Волжский район / под ред. В. П. Шабан. Л. : Гидрометеор. изд-во, 1966.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Туркин А. И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1986.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

Исследования

- Березович Е. Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998.
- Жеребцов И. Л., Таскаев М. В.* Черные годы (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921). Сыктывкар : Покаяние, 2001.
- Игнатов М. Д.* Вопросы происхождения топоформантов *-ым, -им, -ум, -ом, -вом, -вум* в коми топонимии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 226–241.
- Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М. : Изд-во ФМБК, 1998.
- Крашенинникова Ю. А.* История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти / под ред. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар : Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. С. 132–147.

- Крашенинникова Ю. А.* Современная праздничная культура русского населения пос. Кажым Койгородского района Республики Коми: Николин день // Традиционная культура. 2019. № 5. С. 23–34.
- Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г.* Топонимический компонент в устной прозе русского заводского населения Республики Коми // Рябининские чтения — 2019 : материалы VIII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. С. 578–580.
- Муллерен И. И.* Мотивация vs ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 61–77. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031
- Политов В. В.* Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2005.
- Федотова Т. В.* Адаптация иноязычных топонимов русскими первопоселенцами в период освоения Восточного Забайкалья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 256–259.
- Феоктистова Л. А.* Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 196–200.

Рукопись поступила в редакцию 14.05.2020

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

коми-зыр.	коми-зырянский
манс.	мансийский
саам.	саамский
хант.	хантыйский

* * *

Крашенинникова Юлия Андреевна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором фольклора
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Krasheninnikova, Yulia Andreevna

PhD, Leading Research Fellow,
Head of Folklore Department
Institute of Language, Literature and History
Federal Research Center of Komi Scientific
Center of the Ural Branch of the RAS
26, Communisticheskaja St., 167982
Syktyvkar, Komi Republic, Russia
Email: krasheninnikova@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Низовцева Светлана Григорьевна

научный сотрудник сектора фольклора
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: svetlananiz@mail.ru

Nizovtseva, Svetlana Grigoryevna

Research Fellow
Folklore Department,
Institute of Language, Literature and History
Federal Research Center of Komi Scientific
Center of the Ural Branch of the RAS
26, Communisticheskaja St., 167982
Syktyvkar, Komi Republic, Russia
Email: svetlananiz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4197-1850>

**Yulia A. Krasheninnikova
Svetlana G. Nizovtseva**

Institute of Language, Literature and History
Federal Research Center of Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the RAS
Syktyvkar, Russia

**TOPONYMY OF RUSSIAN MINING SETTLEMENTS
OF THE KOMI REPUBLIC IN THE 21ST CENTURY RECORDS**

The paper deals with the toponymic material recorded in 2008–2019 from the Russian population of the mining settlements of Nyvchim, Kazhym, and Nychpas. All these small towns emerged due to iron mining development in the Komi Republic of the mid-18th century and the workforce migration from the central and northern parts of Russia related thereto. Analyzing the data from local toponymic systems, the authors discover motivations behind the local microtoponymy and the peculiarities of present-day place names in the region. Beyond that, the study deals with the names of intra-rural parts and periphery areas assimilated for economic, fishing, and other types of activities. Several groups of unofficial microtoponyms were highlighted: 1) titled by name/surname of the owner or user 2) referring to landscape and location features 3) situational microtoponyms. On the one hand, the analysis testifies to the adoption of Finno-Ugric names (hydronymy, above all) on the territory of the Russian mining settlements in the Komi Republic. On the other hand, in the times of territory reclamation, there is an increase of Russian-based naming establishing territorial law, regulating agrarian, hunting, and fishing activities, helping residents to navigate. Some Russian names attest to the deep cultural memory of the settlers, the continuity of naming traditions which refer to the territories of exodus and maternal culture. Characteristically, the toponymic system of Russian mining settlements in the Komi Republic shows a far smaller proportion of names related to religion, cults, and mythology compared to the rest of the Russian North.

Key words: Komi Republic, Russian mining settlements, toponymy, place name, hydronymy, microtoponymy, fieldwork toponymic data.

- Berezovich, E. L. (1998). *Toponimiia Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Fedotova, T. V. (2007). Adaptatsiia inoiazychnykh toponimov russkimi pervoposelentsami v period osvoeniia Vostochnogo Zabaikal'ia [Adaptation of Foreign Toponyms by Russian Pioneers during the Development of Eastern Trans-Baltic Areas]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6, 256–259.
- Feoktistova, L. A. (2005). Iz novykh materialov toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo universiteta [From New Materials of the Ural University Toponymic Expedition]. *Voprosy onomastiki*, 2, 196–200.
- Ignatov, M. D. (2009). Voprosy proiskhozhdeniia topoformantov *-ym, -im, -um, -om, -vom, -vum* v komi toponimii [On the Origins of Topoformants *-ym, -im, -um, -om, -vom, -vum* in Komi Toponymy]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 1, 226–241.
- Kalutskov, B. H., Ivanova, A. A., Davydova, Yu. A., Fadeeva, L. V., & Rodionov, E. A. (1998). *Kul'turnyi landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e* [The Cultural Landscape of the Russian North: Pinezhye, Pomorye]. Moscow: Izd-vo FMBK.

- Krasheninnikova, Yu. A. (2017). Istoriiа gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi v mestnoi ustnoi proze (k voprosu ob istochnikakh i mekhanizmakh formirovaniia fol'klornogo repertuara) [The History of Mining Settlements in the Komi Republic in Local Oral Prose (to the Studies of Sources and the Development of Folklore Tradition)]. In Yu. A. Krasheninnikova (Ed.), *Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamiati* [People and Events in Historical Memory] (pp. 132–147). Syktyvkar: Izd-vo IIALI Komi NTs UrO RAN.
- Krasheninnikova, Yu. A. (2019). Sovremennaia prazdnichnaia kul'tura russkogo naseleniia pos. Kazhym Koigorodskogo raiona Respubliki Komi: Nikolin den' [Modern Festive Culture of the Russian Population of the Kazhym Village of Koygorodsky District of the Komi Republic: Nikolin Day]. *Traditsionnaia kul'tura*, 5, 23–34.
- Krasheninnikova, Yu. A., & Nizovtseva, S. G. (2019). Toponimicheskii komponent v ustnoi proze russkogo zavodskogo naseleniia Respubliki Komi [Toponymic Component in Oral Prose of the Russian Mining Population of the Komi Republic]. In T. G. Ivanova (Ed.), *Riabininskie chteniia — 2019: materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiа Russkogo Severa* [Ryabinin Readings — 2019. Proceedings of the 8th Conference on the Study and Revival of the Cultural Heritage of the Russian North] (pp. 578–580). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Mullonen, I. I. (2019). Motivatsiia vs remotivatsiia kak istochnik etnokul'turnoi informatsii (na materiale toponimii Karelii) [Motivation vs Remotivation as a Source of Ethnocultural Information (Based on Place Names of Karelia)]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 61–77. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031
- Politov, V. V. (2005). *Promyshlennost' Komi kraia v XVIII v.* [Industry of the Komi Territory in the 13th Century]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
- Zherebtsov, I. L., & Taskaev, M. V. (2001). *Chernye gody (Revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Komi krae. 1917–1921)* [The Black Years (Revolution and Civil War in the Komi Region. 1917–1921)]. Syktyvkar: Pokaianie.

Received on 14 May 2020